

Оглавление

Глава 1	5
Глава 2	18
Глава 3	33
Глава 4	54
Глава 5	81
Глава 6	109
Глава 7	133
Глава 8	146
Глава 9	164
Глава 10	174
Глава 11	185
Глава 12	205
Глава 13	221
Глава 14	237
Глава 15	250
Глава 16	264
Глава 17	282
Глава 18	299
Глава 19	309
Пять лет спустя	312
Благодарности	315

Глава 1

Через стекло я мельком увидела Амелию Страуб. Затем дверь распахнулась, и я шагнула внутрь.

— Дельта, дорогая! — Она пристально смотрела на меня большими карими глазами. — Я так благодарна, что ты смогла добраться до нас в такую бурю. — Она драматично взмахнула рукой, указывая за окно.

Мы виделись впервые, но теплота в ее голосе была подобна той, что возникает при общении со старым другом. Амелия явно мне симпатизировала.

За ее спиной, будто подсвеченная сверху, виднелась изящная лестница с балюстрадами из стекла и поручнями из бронзы. Широкий коридор тянулся через весь дом, так что даже от входной двери я могла видеть сверкающую кухню и три раздвижные двери из стекла и стали, за которыми располагались терраса и задний двор. Роскошный особняк с фасадом

в неогреческом стиле я видела не в первый раз — нашла в сети его фотографии «до» и «после» перестройки, сделанной Амелией и ее мужем Фритцем. Но фотографии едва ли передавали все впечатление. Окинув взглядом дом, я словно увидела серию картин, каждая из которых восхитительна. Лестница и сама по себе была настоящим произведением искусства, а в интерьере просто поражала воображение.

Амелия повесила мое пальто в шкаф рядом с явно дорогой блестящей пурпурной курткой. Тонкие, изящные руки женщины грациозно порхали в воздухе, пока она рассказывала мне — в наиболее выразительных эпитетах, — как восхищена моими работами.

Хозяйка провела меня в дальнюю часть дома, где за длинным столом, вроде тех, что стоят на фермах, сидели несколько девочек, а перед ними стоял десяток пластиковых контейнеров с бусами и цепочками. По смутному сходству с Амелией — черты лица, тон кожи, осанка, прическа — я догадалась, кто из них одиннадцатилетняя Натали Страуб. Фотографируя, я часто скрываю недостатки людей при помощи правильно выставленного света, но у Натали недостатков не было, хотя и особо ярких черт тоже. Она была высокой и всегда прижимала руки к телу, будто ей некомфортно занимать слишком много места. Можно сказать, что лицо в целом не запоминающееся, если бы не пронизательные

серые глаза. Это меня обрадовало, я всегда ищу искорку во взгляде. Если же объект съемки ви-
тает в облаках, то фото получаются безликим.

Маленькая девочка справа от Натали по-
стоянно убирала мешающиеся рыжие волосы.
До меня доносились обрывки их разговора,
в основном касающиеся отдыха на День благо-
дарения. «Монток¹, — говорила одна из них, —
нереальные пробки».

У Натали овальное лицо, светлая, полу-
прозрачная кожа и невзрачные русые волосы.
Я с уверенностью могла сказать, что мать от-
ведет ее в салон на окрашивание, как только
ей исполнится тринадцать, может, и раньше.
Родители всегда хвастаются успехами дочерей
в учебе, спорте, музыке или рисовании, но гор-
диться внешностью считается неприличным.
Хотя, конечно, любой матери хотелось, чтобы
ее ребенок был красивым.

Я работала семейным фотографом почти
десять лет. Начала ассистентом на свадебных
фотосессиях, но настоящий талант у меня ока-
зался к съемкам детей. Родителям нравились
мои кадры, ведь на них они видели воплощение
своих мечтаний и планов. Скорее всего, их дети
никогда не станут идеальными, но мои фото-
графии дарят им иллюзию успеха.

¹ Курортный городок в графстве Саффолк, штат
Нью-Йорк, является крупным туристическим центром
с шестью государственными парками.

Белые мраморные столешницы и белая плитка на стене контрастировали с мебелью из темного дерева и подвесными стеклянными шкафчиками. Симпатичный мужчина, который, как я предположила, и был Фритцем Страубом, открыл холодильник и достал две банки пива. Одну из них он предложил темноволосому молодому мужчине — думаю, это кто-то из его коллег.

Я достала камеру и сделала несколько кадров. Чтобы получить хорошие фотографии, мне нужно верить в красоту человека в моем объективе. Если я ее не вижу, то камера — тем более, а значит, и никто другой не увидит. В моих глазах люди всегда прекрасны, и, даже если сперва мне так не кажется, я заставляю мозг переключаться. В случае с Фритцем и стараться не пришлось: рыжеватые волосы, волевой подбородок, зеленые глаза сверкают настолько ярко, что это заметно даже сквозь стекла очков.

Мне показалось, что Фритц рассказывает о чем-то личном: он понизил голос и повернулся спиной к выходу, поминутно оглядываясь через плечо, чтобы убедиться, что никто его не слышит. Я стояла достаточно близко, чтобы при желании разобрать слова. Меня часто не замечают, как и прислугу, словно я лишь выполняю функцию. Люди не задумываются, что я все вижу и слышу. Когда-то я даже обижалась в таких ситуациях, но со временем научилась их ценить.

Несколько минут спустя, когда Фритц все-таки заметил мое присутствие, я развернулась и вышла из огромной комнаты с высокими потолками, которая занимала всю заднюю часть дома. Пройдя через домашний кинотеатр, я вошла в библиотеку в передней части дома, где перед камином сидела Амелия в окружении четырех девочек, преданно на нее смотрящих. Это меня даже удивило: все-таки одиннадцатилетние дети обычно предпочитают общаться между собой, а не со взрослыми. Но Амелия была настолько яркой личностью, что с ней все было иначе. Игнорировать ее было невозможно, отчасти и потому, что она хотела быть заметной.

— Ингрид, мы так гордимся тобой. — Голос Амелии звучал весело. — Натали рассказала нам о чемпионате по теннису. — Одна из девочек покраснела и захихикала. Нежно коснувшись лица Ингрид, Амелия отвела с ее лица прядь волос. — Выйти в полуфинал! Это действительно большое достижение!

Объективно говоря, я была привлекательнее Амелии: больше грудь, тоньше талия, меньше морщин на лице. А еще я была моложе — по меньшей мере лет на десять. У нее же были точеные скулы и глубоко посаженные глаза и в целом немного резкие черты лица. Про таких говорят «эффектная». И нельзя переоценить харизму и обаяние — Амелия нравилась в равной степени и мужчинам, и женщинам.

Книжные полки, старинная мебель, стеклянные вазы и статуэтки — комната явно не предполагала присутствия в ней детей. Натали, похоже, была не по годам воспитанна и сдержанна, так что не представляла угрозы для хрупких предметов в комнате, и они не представляли угрозы для нее, по крайней мере сейчас — возможно, тут не обошлось без горького опыта.

Я бы никогда не смогла оставаться незаметной в этом доме, сливаться с окружающим пространством, если бы не один мой школьный бойфренд. Он был сыном успешного юриста из Орландо, и за три года, что мы были вместе, я отлично изучила, как живут богатые семьи, наблюдая за ним, его родителями и сестрой. Даже в пятнадцать я понимала, что нужно полностью погрузиться в тот образ жизни, которому хочешь соответствовать, и тогда люди поверят, что ты принадлежишь к их кругу. Парень тот оказался придурком и однажды решил припугнуть меня ножом. Когда же я в подробностях рассказала о случившемся его родителям, они помогли мне получить полную стипендию в Университете Западной Флориды — и это было меньшее, что они могли сделать, так что я не чувствовала себя должной. А если они хотели услышать от меня «спасибо», то должны были пристроить в Йель.

Мой талант фотографа — разноплановый. Иногда я просто документалист, фиксирующий

кадры семейных и дружеских встреч. Но такая работа приносит мне мало удовлетворения. Я люблю создавать моменты и считаю себя режиссером.

Несколько минут спустя я снова оказалась в столовой, за мной следовал Ицхак — старый пес Страубов. Он присел рядом с Натали, и девочка рассеянно почесала его за ухом.

Осторожно, с расстояния метров в семь, я начала делать первые кадры и с интересом заметила, что большую часть времени Натали держалась словно немного отстраненно. Остальные девочки хоть и были ее подругами, но их дружбе она будто не доверяла, а еще, похоже, переживала, что должна развлекать их. Амелия неверно рассчитала, сколько времени гости потратят на плетение украшений, и большинство из них закончили с браслетиками очень быстро и теперь откровенно скучали.

За годы работы я поняла, что удачные фотографии детей получаются, только когда те в хорошем настроении. Измученные дети — не совсем удачный сюжет для съемки. Спасая провальные праздники, я стала мастером в изготовлении животных из воздушных шаров и аквагриме и на всякий случай носила с собой все необходимое: шарики, насос, краски для лица, кисти и трафареты. Удивительно, но даже тринадцатилетние подростки радуются таким развлечениям. Зверята из шаров вызывают

искреннюю и невинную радость на лицах, какую редко встретишь у нью-йоркских детей, — и тут у меня появлялся шанс запечатлеть что-то, похожее на счастье.

Натали моя идея понравилась, и по заказам девочек я сделала единорога, жирафа, пуму, замок, яхту и вертолет.

Все получилось: светящиеся лица Натали и ее подруг наполняли кадры энергией. Даже самые строгие и сдержанные родители хотели видеть своих детей радостными и счастливыми, без страха шагающими навстречу будущему, живущими полной жизнью. Они хотели этого и для себя, вот только не многие смогли добиться.

Обычно мне удается сделать нужные кадры, но, если не получалось, всегда есть фоторедактор.

Ближе к концу вечера Фритц собрал девочек вокруг обеденного стола, а Амелия принесла большой торт в виде виолончели и смычка и, лучезарно улыбаясь, опустилась на колени рядом со стулом Натали. Ее поза, склоненная голова, мягкая улыбка — все это символизировало безграничную преданность дочери. Не то чтобы я считала ее неискренней, но публичное проявление любви явно было призвано поддерживать образ хорошей матери, в том числе и в ее собственных глазах.

Подружки, подойдя поближе, чтобы рассмотреть торт, пропели традиционное поздравление,

и Натали задула свечи. Это самые важные кадры, которые нельзя упустить: торт, общее поздравление, задувание свечей.

В идеале я должна запечатлеть всю семью вместе в момент выноса торта. Редко кто из взрослых признается, но видеть себя на фотографиях им хочется так же сильно, как и ребенка. Им нужны доказательства, что они — хорошие родители. И тут я могу помочь.

Фритц разрезал торт и раздал гостям. На этом праздник подошел к концу, и девочек начали разбирать по домам.

Я убрала камеру в сумку, сняла с вешалки пальто и уже собралась уходить, но Натали замерла в дверях, преградив мне путь.

— Дельта! Ты обещала сделать слона из шарика! Это мое любимое животное!

— Прости, Натали, мне пора.

Я старалась не оставаться дольше заранее оговоренного, чтобы, с одной стороны, не обесценивать собственное время, и, с другой, — не казаться навязчивой. В прошлом я допускала ошибку, позволяя себе подружиться с клиентами, и ничем хорошим это никогда не заканчивалось. Но перед этой семьей и этим домом устоять не могла.

— Пожалуйста! — Натали не сводила с меня широко распахнутых глаз.

Я уступила и вернулась в столовую, чтобы сделать слона и еще несколько фигурок для

Натали и пары оставшихся девчонок. Краем глаза я следила за взрослыми. Фритц пожал руку уходящему мужчине и похлопал его по плечу: «Увидимся, Ян».

В итоге из гостей осталась только Пайпер, не по годам развитая девочка. Она побежала на второй этаж, и Натали последовала за ней. Несмотря на то что это был дом Натали, казалось, все решения принимала Пайпер.

Амелия и Фритц предложили мне вина. Если честно, втайне я на это и надеялась. Фритц поставил бокал пино-нуар на стеклянный кофейный столик.

— У тебя талант к общению с детьми. Впечатляет. — Его глаза необычайно яркого зеленого цвета сверкнули сквозь очки в черепаховой оправе. — Ты вообще когда-нибудь устаешь?

— Мне и правда с ними легко и приятно.

Я посмотрела на свою руку, держащую бокал, и пожалела, что не сделала маникюр. Наверняка маникюрша приходила в этот дом каждую неделю, занимаясь ногтями Амелии, получая за это гроши, пока та обсуждает по телефону рабочие вопросы.

— У тебя есть дети? — Амелия устроилась рядом с Фритцем, с ногами забравшись на один из двух диванов кремового цвета. Эта непринужденная поза, очевидно, была призвана создать образ обычной мамочки, болтающей с подругой.